
РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА

УДК 338.48

РАЗВИТИЕ ТУРИСТСКИХ КЛАСТЕРОВ В ПЕРМСКОМ КРАЕ В 2010–2022 ГОДАХ: ОЦЕНКИ, РЕЗУЛЬТАТЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

© 2024 г. Д.А. Кошечев*, О.Ю. Исопескуль**

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Пермь, Россия*

*e-mail: DAKoshcheev@hse.ru

**e-mail: oisopeskul@hse.ru

В статье предпринята попытка анализа развития комплексообразования и кластерной активности в туристском секторе Пермского края в 2010–2022 гг. во взаимосвязи с системой мер региональной кластерной политики, реализованной в данный период. Основу исследования составляют элементы EDA (разведочного анализа) статистических данных по туристско-рекреационным территориям Пермского края, закреплённых в региональных нормативных документах как места потенциального размещения туристских кластеров. Представленный анализ дополняется результатами контент-анализа и анализа контента соответствующих теме публикаций региональных СМИ за рассматриваемый период, нормативных документов, а также серии авторских опросов 2015–2022 гг. В ходе исследования было установлено, что региональная кластерная политика не оказала значимого воздействия на развитие комплексообразования и кластерной активности в границах туристско-рекреационных территорий. Кроме того, было установлено, что полноценные кластеры в рассматриваемый период действовали лишь в рамках двух туристско-рекреационных территорий из семи. В остальных присутствовали только протокластерные формирования. Далее на основе показателей комплексообразования и кластерной активности, с учётом результатов предыдущих аналитических процедур, существующие туристско-рекреационные территории методом k-means были разделены на 4 группы. Для каждой группы разработана система рекомендаций по развитию туризма.

Ключевые слова: туризм, туристский кластер, комплексообразование, кластерная активность, кластерная политика, кластерные инициативы, Пермский край, туристско-рекреационная территория.

DOI: 10.5922/1994-5280-2024-1-8

Введение и постановка проблемы. Период 2023–2024 гг. отражает значимый рубеж развития кластерных инициатив в туристском секторе Пермского края. В 2009–2010 гг. на академическом уровне началась проработка возможности создания в регионе территориально-экономических систем, обеспечивающих рост его туристской конкурентоспособности. В 2010 г. был предложен один из первых проектов деления территории Пермского края на семь кластеров [4], вошедший в 2012 г. в состав региональной программы «Развитие туризма в Пермском крае на 2013–2017 гг.» [3], став формальной основой кластерной политики края на пять лет.

Таким образом, хронологическая рамка 2023–2024 гг. очерчивает 15-летие активной академической проработки проблемы кластеризации в туристском секторе Пермского края и 12-летие реализации в регионе кластерной политики, формализованной в системе официальных документов, стратегий и программ. Переход через данный рубеж определяет необходимость анализа полученных результатов и обобщение накопленного опыта. Решение этих вопросов актуализируется в свете утверждения в 2022 г. «Стратегии развития туризма в Пермском крае на период до 2035 года» [14], в рамках которой создание и развитие в регионе туристских кластеров рассматривается как приоритет.

В данном исследовании поставлено две задачи. Первая – оценка основных показателей комплексообразования и кластерной активности в сфере туризма по отдельным туристско-рекреационным территориям (ТРТ) в Пермском крае за период с 2009 по 2022 г. Вторая – систематизация и ретроспективный анализ региональной кластерной политики в сфере туризма и во взаимосвязи с индикаторами кластерной активности и комплексообразования.

Обзор ранее выполненных исследований. Проблемам развития туристских кластеров в Пермском крае посвящён широкий пласт работ, выходящих с 2010г. Содержательно эти работы могут быть разделены на три группы. Первая объединяет исследования, направленные на оценку туристского потенциала отдельных территорий Пермского края [4; 6; 12; 15]. Вторую группу составляют работы, связанные с оценкой функционирования кластеров / протокластеров / туристско-рекреационных территорий (ТРТ) в регионе [2; 9; 13]. Третья группа объединяет комплексные исследования смешанного характера, сочетающие в себе как идентификацию туристских кластеров, так и аналитику их функционирования [5;10].

В существующих исследованиях глубоко прорабатываются географическое и административно-управленческое измерения рассматриваемой проблемы, но слабо освещено экономическое. Такая ситуация ограничивает возможности краевых органов исполнительной власти своевременно корректировать кластерную политику в сфере туризма.

Решением представленной проблемы может стать комплексный подход к исследованию функционирования туристских кластеров / протокластеров / ТРТ в Пермском крае, предполагающий одновременный анализ трёх основных измерений заявленной проблемы: экономического, географического и административно-управленческого.

Материалы и методика исследования. В данном исследовании целостная картина развития процессов комплексообразования и кластерной активности в туристском секторе Пермского края в 2009–2022 гг. достигается за счёт анализа трёх типов данных: расчётных показателей, характеризующих динамику комплексообразования и кластерной

активности; соответствующих официальных документов и публикаций в СМИ; результатов опросов представителей региональных и местных властей, туристского сектора и туристов, реализованных нами в период с 2015 по 2022 г.

В основу исследования был положен следующий алгоритм, представленный на рис. 1.

Предложенный исследовательский алгоритм включает в себя три этапа.

Первый этап предполагает построение трёх баз данных, которые вместе составят аналитическое поле исследования.

При формировании базы статистических данных, содержащей показатели комплексообразования и кластерной активности в туристском секторе региона, приоритет отдаётся общепризнанным в научном мире индикаторам, которые технически могут быть рассчитаны в национальной системе статистики. Система таких переменных для регионального уровня представлена в таблице 1.

Отметим, что коэффициент локализации LQ выступает индикатором возможности кластера аккумулировать лучших специалистов и уровня комплексообразования, позволяя выявить наличие в секторе кластеров. При этом, как правило, используются две шкалы (табл. 2).

В шкале М. Porter (2000) значение $LQ > 1$ изначально рассматривалось как индикатор «концентрированных кластеров» [19], однако более поздние интерпретации шкалы [11; 17] позволяют соотнести пороговое значение с уровнем $LQ > 3$ в шкале [18].

В данном исследовании под туристским кластером мы понимаем территориально-экономическую систему взаимозависимых, взаимосвязанных, но сохраняющих между собой элементы конкурентного взаимодействия организаций, связанных со сферой гостеприимства и туризма, которая локализована в географическом пространстве района концентрации наиболее значимых аттракций, выступающих основными точками притяжения въезжающих в регион туристских потоков. В этой связи, туристский протокластер следует интерпретировать как территориально-экономическую структуру, предшествующую в эволюционном плане туристскому кластеру и соответствующую всем основным его признакам, за исключением показателя комплексообразования, значение которого находится ниже пороговых

Таблица 1. Основные индикаторы комплексообразования и кластерной активности

Индикатор	Интерпретация	Формула / способ расчета
Коэффициент локализации (LQ)	Динамика показателя отражает эффект роста специализации кластера на приток специалистов в туристский сектор	$LQ = \frac{F/E}{F_c/E_c}$ <p>где: <i>F</i> – среднесписочная занятость работников по полному кругу организации в границах ТРТ в рамках конкретного набора ВЭД; <i>E</i> – среднесписочная численность работников по полному кругу организации в границах ТРТ (всего); <i>F_c</i> – среднесписочная занятость работников по полному кругу организации в регионе в рамках конкретных ВЭД; <i>E_c</i> – среднесписочная численность работников по полному кругу организации в регионе (всего)</p>
Фокус кластера	Показатель иллюстрирует уровень влияния туристского кластера в регионе, прежде всего, на региональный рынок труда	$Focus = \frac{F}{E}$ <p>где: <i>F</i> – среднесписочная занятость работников по полному кругу организации в границах ТРТ в рамках конкретного набора ВЭД; <i>E</i> – среднесписочная численность работников по полному кругу организации в границах ТРТ (всего)</p>
Размер кластера	Отражает относительный размер туристского кластера в федеральном масштабе	$Size = \frac{F}{F_c}$ <p>где: <i>F</i> – среднесписочная занятость работников по полному кругу организации в границах ТРТ в рамках конкретного набора ВЭД; <i>F_c</i> – среднесписочная занятость работников по полному кругу организации в регионе в рамках конкретного набора ВЭД</p>
Совокупный фонд оплаты труда организаций кластера	Общий объем материальных средств, направляемый на выплаты наёмному персоналу организаций кластера	Рассчитывается как сумма показателей «фонд оплаты труда» в рамках конкретного набора ВЭД в границах ТРТ
Среднемесячная заработная плата в организациях кластера	Средний размер оплаты труда в кластере	Рассчитывается как среднее значение показателей среднемесячной заработной платы по конкретному набору ВЭД в границах ТРТ

Источник: составлено авторами на основе: [5; 7].

Таблица 2. Наиболее распространённые шкалы интерпретации значений LQ

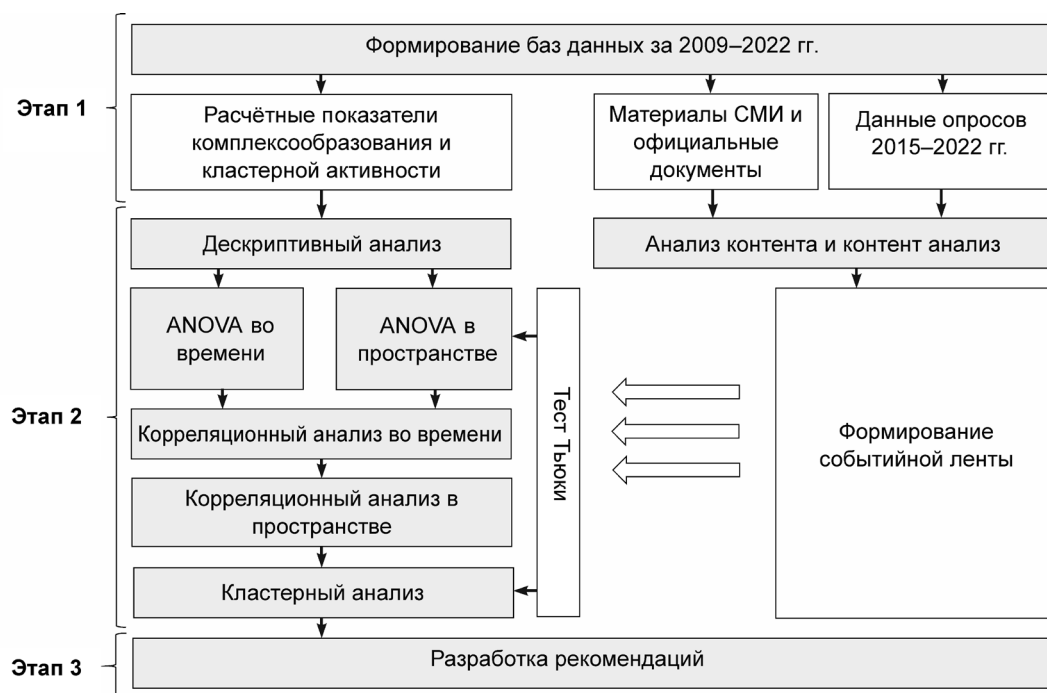
Шкала	Слабо концентрированные кластеры	Средне концентрированные кластеры	Высоко концентрированные кластеры (концентрированные)
Peiró-Signes [18]	1,25 < LQ < 1,98	1,98 < LQ < 3	LQ > 3
Porter M. [19]	0,8 < LQ < 1	–	LQ > 1

Источник: составлено авторами по: [18; 19].

уровней. В терминах шкал, приведённых в таблице 2, уровень комплексообразования в протокластерах, выраженный через LQ, должен быть ниже пороговых значений, установленных для слабоконцентрированных кластеров.

Для формирования базы для расчётов показателей комплексообразования и кла-

стерной активности мы используем подход М.Д. Шарыгина и В.К. Ковылова [16], которые указывали на локализацию в кластере системы технологических процессов, составляющих полный производственный цикл. Полный цикл производства туристских услуг в Пермском крае в основном описывается тремя ВЭД: «Деятельность гостиниц

Рис. 1. Алгоритм исследования процессов комплексобразования и кластерной активности в туристском секторе региона во взаимосвязи с кластерной политикой.

Источник: составлено авторами.

и предприятий общественного питания»; «Деятельность туристических агентств и прочих организаций, предоставляющих услуги в сфере туризма»; «Деятельность прочего сухопутного пассажирского транспорта».

Расчёт показателей по системе выделенных ВЭД проводился на территориях, которые в официальных документах были объединены в «туристско-рекреационные территории» и «туристские кластеры». Таких документов было три: региональная программа «Развитие туризма в Пермском крае на 2013–2017 гг.», Концепция проекта «Пермь Великая» (в редакциях от 2014 и 2017 гг.) и «Стратегия развития туризма в Пермском крае на период до 2035 г.» (в редакции 2022 г.).

Системы выделенных в этих документах «туристских кластеров» (за исключением Концепции проекта «Пермь Великая» в редакции 2014 г.) базировались на работе А.И. Зырянова и С.Э. Мышлявцевой [4]. В «Стратегии развития туризма в Пермском крае на период до 2035 года» появился ряд отличий (рис. 2).

На рисунке 2 градиентом отмечена территория Частинского муниципального

округа, положение которого в «Стратегии развития туризма в Пермском крае на период до 2035 г.» было изменено в сравнении с официальными документами 2012–2018 гг. Если раньше он был включен в зону № 7, то теперь вошел в зону № 5, что обусловлено изменением географии туристских маршрутов [6], которая изначально выступала одним из критериев районирования. Именно такую систему географических зон мы взяли за основу своего анализа, используя термин «туристско-рекреационные территории».

Вторая база данных, которая формируется на подготовительном этапе объединяет официальные документы, связанные с реализацией кластерной политики в регионе, а также материалы СМИ, затрагивающие этот вопрос в период с 2009 по 2022 г.

Отбор материалов осуществлялся на основе двух критериев: 1) типа источника (сайт официального ведомства или официальный сайт СМИ); 2) использования первоисточника (исключение из выборки информации с разных ресурсов, дублирующих друг друга). Построение базы происходило с использованием инструментов библиотеки Requests

Рис. 2. Схема территориальных рекреационных территорий Пермского края (в редакции 2013 и 2022 гг.).

Источник: составлено авторами на основе: региональная программа «Развитие туризма в Пермском крае на 2013–2017 гг.», концепция проекта «Пермь Великая» (в редакции от 2017 гг.), и «Стратегия развития туризма в Пермском крае на период до 2035 г.» (в редакции 2022 г.).

в среде Google Colaboratory с элементами контрольной проверки в ручном режиме. Итоговый объём выборочной совокупности составил 719 ед.

Третья база включает результаты опросов, проведённых нами в период 2015–2022 гг. и посвящённых туристскому сектору и кластерным инициативам в сфере туризма (табл. 3).

Второй этап алгоритма (см. рис. 1) связан с проведением основной аналитической работы.

Статистические показатели, иллюстрирующие комплексобразование и кластерную активность в рамках ТРТ, подвергаются стандартным аналитическим процедурам,

составляющим исследовательскую стратегию EDA (разведочный анализ), позволяющей выявить динамику рассматриваемых индикаторов. Дополнительно используется кластерный анализ, который позволяет классифицировать ТРТ.

Материалы двух других баз подвергаются контент-анализу и анализу контента на основе чего формируется лента времени с отражением основных событий и мер региональной кластерной политики.

Третий этап алгоритма предполагает разработку рекомендаций по развитию комплексобразования и кластерной активности для каждой из групп ТРТ, сформированных на втором этапе.

Таблица 3. Основные параметры опросов по туризму и кластерам 2015–2022 гг.

Тема	Год	Респонденты	Всего анкет	В том числе качественно связанных с Пермским краем
Состояние туристического сектора Пермского края	2015	Туристы, представители туристического сектора, органов местной и региональной власти	219	211
Кластерная политика в туристском секторе Пермского края	2017	Жители Пермского края, туристы	450	431
	2017	Представители туристического сектора	100	100
Функционирование туристского сектора в пандемию	2021	Туристы, представители туристического сектора, органов местной и региональной власти	317	124
Функционирование туристского сектора в условиях санкционного кризиса	2022		521	192
Итого			1 607	1 058

Источник: составлено авторами на основе собственных опросов, проведённых в 2015–2022 гг.

Результаты исследования и их об- суждение. В соответствии с алгоритмом (см. рис. 1), проведём анализ основных показателей кооперации и кластерной активности в туристском секторе Пермского края (рис. 3).

Как следует из рисунка 3, уровень LQ отражает наличие признаков кластерной активности (по шкале М. Портер [19]) в следующих ТРТ.

В ТРТ «Соль Камская» в 2009–2010 гг. – концентрированные кластеры; в 2011–2014 гг. и в 2017 г. – слабо концентрированные кластеры.

В ТРТ «Парма» в 2015 г. – слабо концентрированные, в 2016 г. – средне концентрированные кластеры.

В ТРТ «Среднекамье» в 2021 г. и 2022 г. – концентрированные кластеры.

В ТРТ «Нижнекамье» в 2009 г. – слабо концентрированные кластеры.

В качестве критерия, учитывающего фактор времени при анализе динамики LQ по ТРТ может быть рассмотрено достижение минимального порогового значения коэффициента локализации хотя бы в течение половины рассматриваемого периода [6]. Подобное явление в период 2009–2022 гг. было достигнуто лишь в ТРТ «Соль Камская». Особый случай представляет ТРТ «Среднекамье», где в 2021 г. произошёл резкий рост значения LQ, что по обоим шкалам свидетельствует о наличии кластеров. Очевидно триггером к этому послужила подготовка к 300-летию юбилею г. Пермь, когда было

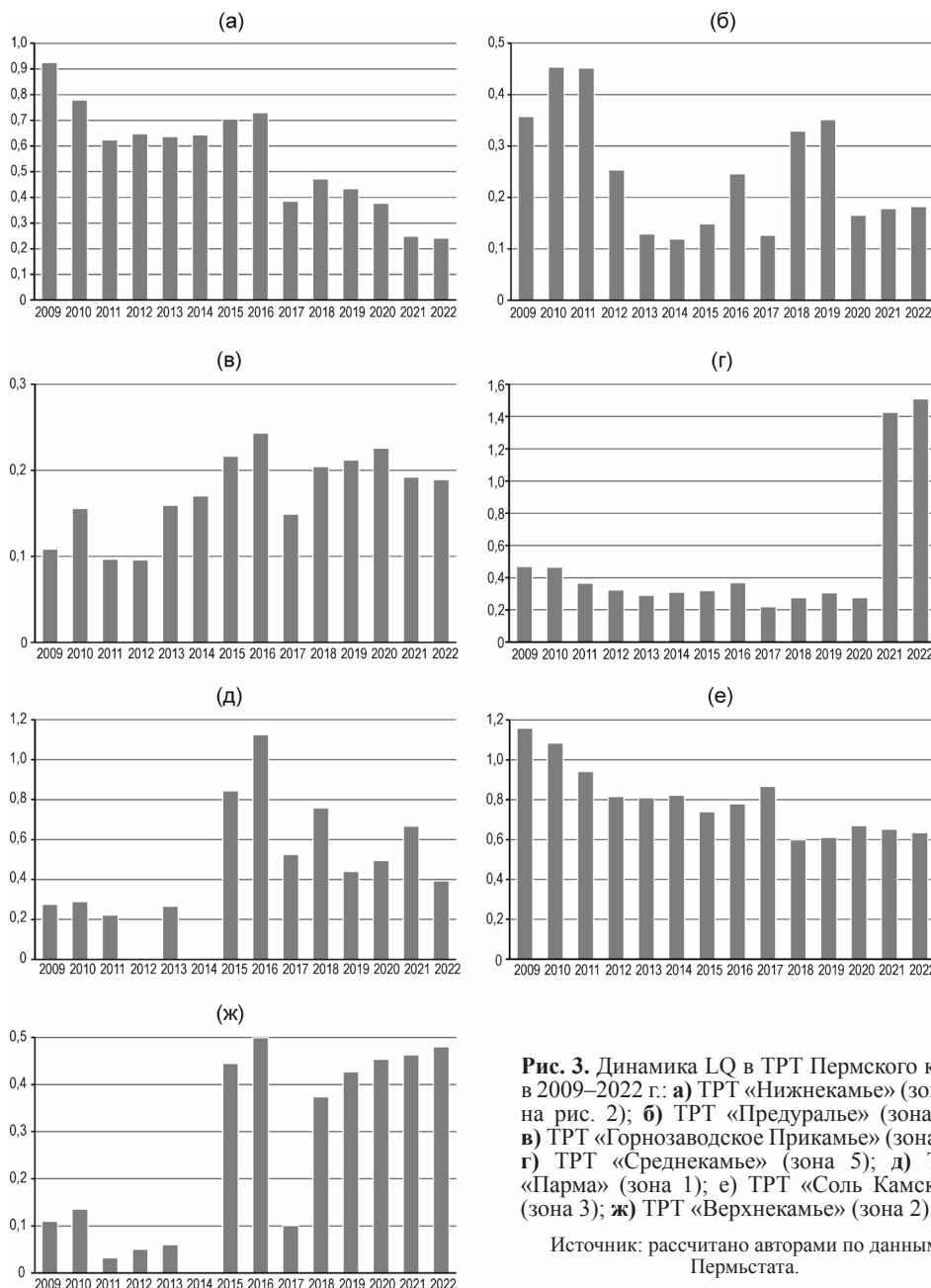
разработано большое число экскурсионных туров, охватывающих муниципалитеты, расположенные близко к г. Пермь (большая часть ТРТ «Среднекамье»). В границах прочих ТРТ значения LQ были ниже минимального порогового уровня. Это означает, что на их территории могут существовать отраслевые объединения, которые пока не могут быть идентифицированы как кластеры.

Анализ динамики LQ позволил нам разделить все ТРТ региона на две группы.

Первая объединяет ТРТ, в которых в 2009–2022 гг. сформировался устойчивый тренд к снижению значений LQ (ТРТ «Нижнекамье», «Предуралье», «Парма» и «Соль Камская»), свидетельствующий о замедлении процессов кооперации (или сжатия, как в случае с ТРТ «Соль Камская») и способности ТРТ привлекать лучших специалистов в отрасли.

В ТРТ «Нижнекамье» тренд снижения LQ наиболее выражен. Результаты анкетирования показали, что ключевая точка притяжения туристов территории – г. Чайковский – с начала 2010-х гг. стал развивать связи с соседними городами Удмуртской Республики (г. Воткинск, г. Сарапул, г. Ижевск). Одновременно связи города с соседними территориями Пермского края ослабевали.

В ТРТ «Парма» устойчивый тренд к снижению LQ сформировался только с 2017 г., когда ослабел эффект от победы Юрлинского района в региональном конкурсе «Центры культуры Пермского края – 2015» и привлеченных на этой основе инвестиций [1].

Рис. 3. Динамика LQ в ТРТ Пермского края в 2009–2022 г.: **а)** ТРТ «Нижнекамье» (зона 7 на рис. 2); **б)** ТРТ «Предуралье» (зона 6); **в)** ТРТ «Горнозаводское Прикамье» (зона 4); **г)** ТРТ «Среднекамье» (зона 5); **д)** ТРТ «Парма» (зона 1); **е)** ТРТ «Соль Камская» (зона 3); **ж)** ТРТ «Верхнекамье» (зона 2).

Источник: рассчитано авторами по данным Пермьстата.

Во вторую группу вошли ТРТ, в которых в период 2009–2022 гг. сформировался выраженный и устойчивый тренд к росту значений LQ (ТРТ «Горнозаводское Прикамье» и «Верхнекамье»). Отказ в 2016 г. от концепции «Пермской культурной революции» [8] и поиск новых ориентиров, определили обращение региональных властей, общественности и бизнеса к наследию

Перми Великой, усилив поддержку территорий, связанных с её историей (в том числе двух рассматриваемых ТРТ). Особняком стоит ТРТ «Среднекамье», где с 2009 по 2020 гг. наблюдалось снижение значений LQ, однако под влиянием подготовки к юбилею г. Перми в 2021–2022 гг. значение индикатора выросло до уровня кластера. Будет ли этот кластер устойчив, покажет время.

Далее проведём по каждому ТРТ анализ показателей «Размер кластера» и «Фокус кластера» (рис. 4). На рис. 4 гистограмма отражает значение индикатора «Размер кластера» (показывает размер туристского кластера или предшествующих ему протокластерных интеграционных объединений в региональном масштабе), график – «Фокус кластера» (отражает уровень их влияния на региональный и местные рынки).

Как следует из рис. 4а, в ТРТ «Нижнекамье» в 2009–2022 гг. сформировался тренд к сжатию интеграционных объединений, а также наметилось снижение уровня их влияния на региональный и местные рынки, подтверждая, что туристский сектор этой территории находится в процессе кристаллизации. В ТРТ «Предуралье» (рис. 4б) динамика показателей волнообразна со сравнительно выраженным нисходящим трендом, отражающим процесс кристаллизации сектора.

В ТРТ «Горнозаводское Прикамье» (рис. 4в) с 2009 г., а в ТРТ «Верхнекамье» (рис. 4ж) – с 2015 г. наблюдался рост показателя «Фокуса кластера». Это свидетельствует об увеличении влияния протокластерных объединений, локализованных на территории данных ТРТ, на региональные и местные рынки.

В ТРТ «Верхнекамье» эта тенденция сопровождается некоторым ростом показателя «Размер кластера» и ярко выраженным ростом процессов комплексобразования (LQ). Всё это позволяет ожидать формирования полноценного туристского кластера на территории данного ТРТ.

В ТРТ «Горнозаводское Прикамье» при росте показателей LQ, индикаторы «Фокус кластера» и «Размер кластера» до 2016 г. росли, свидетельствуя о формировании некоего пула интеграционных объединений, который после 2016 г. прекратил расширяться и начал процессы оптимизации по составу участников.

В ТРТ «Среднекамье» (рис. 4г) и ТРТ «Соль Камская» (рис. 4е) значение показателя «Размер кластера» отражает процесс сжатия протокластерных объединений и по численности занятого персонала, и по размеру. При этом показатель «Фокус кластера» был относительно устойчив.

В ТРТ «Парма» (рис. 4д) до 2016 г. преобладал восходящий тренд показателей «Размер

кластера» и «Фокус кластера», что позволило привлечь определённые инвестиции. Однако в дальнейшем размер протокластерных объединений и их влияния на региональный и местные рынки стали сокращаться.

Далее рассмотрим динамику показателей «Совокупный фонд оплаты труда организаций кластера» и «Среднемесячная заработная плата в организациях кластера» по всем ТРТ (рис. 5).

На рисунке 5 использован инструмент вспомогательных осей. По левому краю диаграммы размещена ось, отражающая размер фонда оплаты труда (гистограмма), с правого края – ось, отражающая размер среднемесячной заработной платы (график). Рассмотрим некоторые из представленных данных.

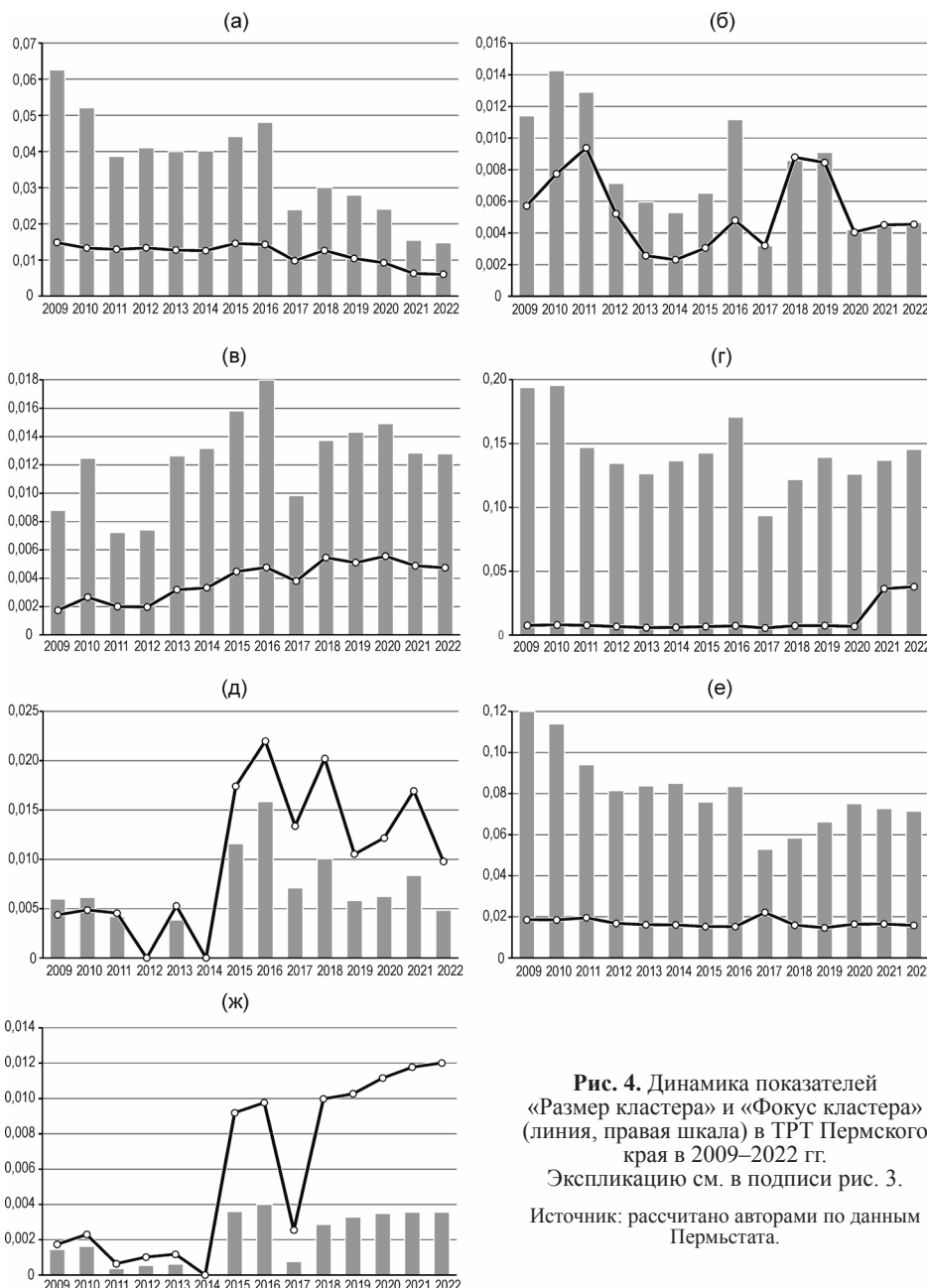
В ТРТ «Предуралье», «Среднекамье» и «Соль Камская» аномалий нет. В них происходит сжатие интеграционных объединений, сопровождающийся сокращением численности персонала с одновременным ростом заработной платы оставшихся в секторе сотрудников.

Особая ситуация складывается в ТРТ «Нижнекамье» (рис. 5а), где с 2017 г. начали снижаться не только численность персонала, но и фонд оплаты труда, что может свидетельствовать либо о способности организаций сектора сформировать эффективную бизнес-модель, либо о применении теневых схем снижения затрат на персонал.

В ТРТ «Горнозаводское Прикамье» (рис. 5в) начиная с 2017 г. начал снижаться показатель «Размер кластера», т.е. количество игроков стало меньше, а те, кто остались продолжили увеличивать штат. Это может выступать косвенным признаком формирования олигопольной структуры в туристском секторе на данной территории.

Далее, в соответствии с методикой исследования (рис. 1) мы провели однофакторный дисперсионный анализа (ANOVA), в котором фактором первоначально выступило время, а затем – пространство. Результат ANOVA во времени где $\alpha = 0,1$, приведён в таблице 4. Из таблицы 4 видно, что по всем показателям кластерной активности, взятым во времени, асимптотическая значимость модели ($p\text{-value}$) $> 0,1$. Иными словами, различия между средними анализируемых групп (в роли которых выступают годы) статистически не значимы. Меры кластерной политики не оказали существенного воздействия

Рис. 4. Динамика показателей «Размер кластера» и «Фокус кластера» (линия, правая шкала) в ТРТ Пермского края в 2009–2022 гг. Экспликацию см. в подписи рис. 3. Источник: рассчитано авторами по данным Пермьстата.

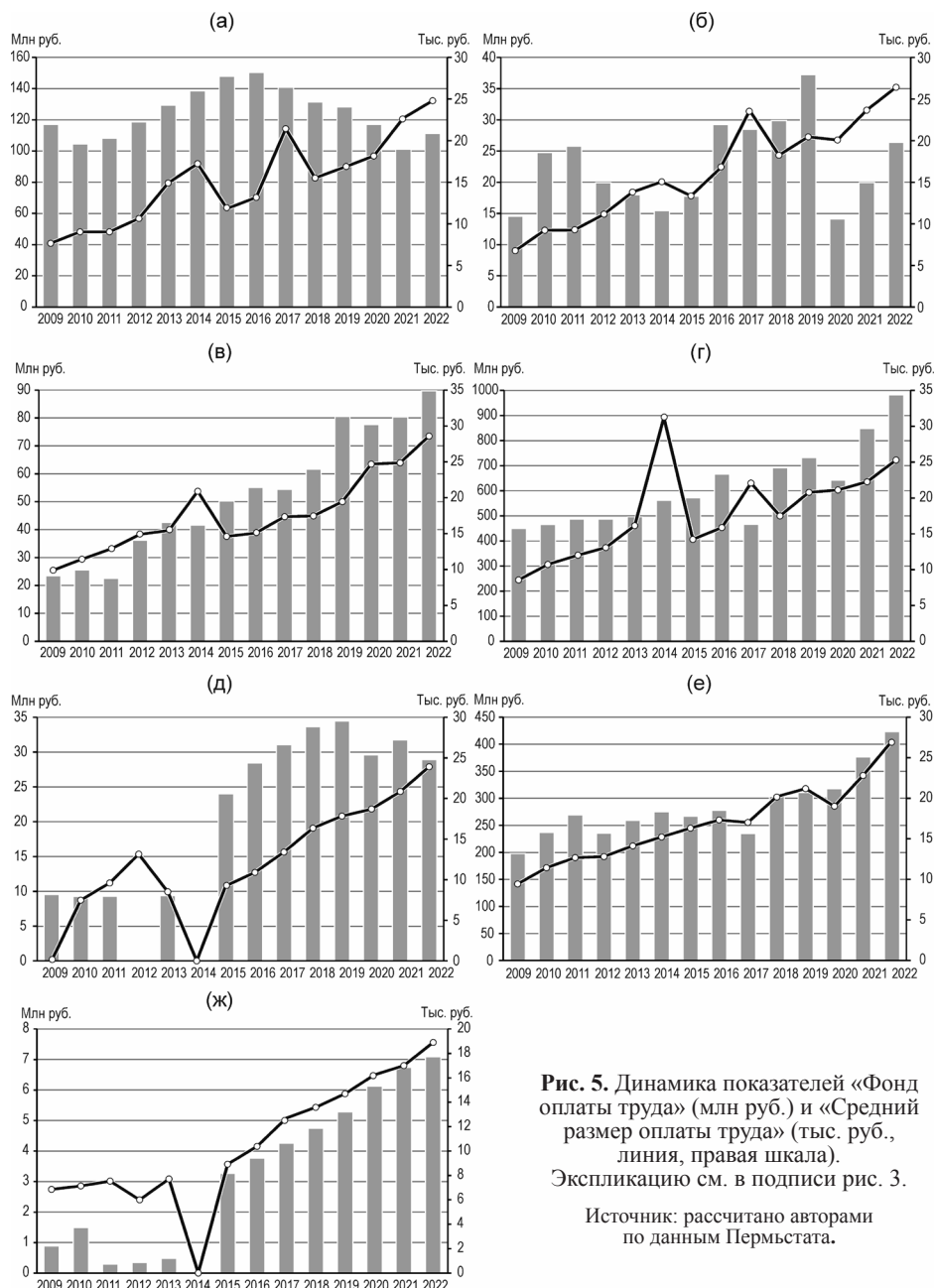
на динамику показателей кластерной активности и комплексообразования в туристском секторе каждого ТРТ.

Результаты ANOVA в пространстве представлены в таблице 5.

Данные таблицы 5 свидетельствует, что $p\text{-value} < 0,01$ по всем показателям. Это значит, что между средними по рассматриваемым группам есть различия и они значимы

на 1% уровне. Иными словами, динамика показателей кластерной активности и комплексообразования в разных ТРТ различается и во многом зависит от их специфики.

Корреляционный анализ во времени выявил сильную («весьма высокая» по шкале Чеддока – от 0,9 до 0,99) положительную связь между годовыми значениями индикаторов «Фонд оплаты труда», «Размер кла-

Рис. 5. Динамика показателей «Фонд оплаты труда» (млн руб.) и «Средний размер оплаты труда» (тыс. руб., линия, правая шкала). Экспликацию см. в подписи рис. 3.

Источник: рассчитано авторами по данным Пермьстата.

стера» и «Фокус кластера». При этом данная связь остаётся высокой не только между значениями текущего и предшествующего года, но значениями, которые разделяет два и более года. Иными словами, динамика размера кластера, фонда оплаты труда и уровня его влияния на региональные рынки более, чем на 96% определялась внутренними процессами комплексообразования.

Иная ситуация складывается в отношении индикаторов «LQ» (табл. 6) и «Среднемесячная заработная плата в организациях кластера» (табл. 7).

Значения показателя LQ в 2009–2013 гг. на 92% и более определялись значением этого показателя в предыдущем году. С 2014 г. значение коэффициента локализации резко перешло под воздействие внеш-

Таблица 4. Модель ANOVA по времени (однофакторный дисперсионный анализ)

Показатель	Год	LQ	Фокус кластера	Размер кластера	Средний размер оплаты труда	Фонд оплаты труда
Среднее арифметическое	2009	0,4836	0,0078	0,0575	7 017,727	115 460 928,6
	2010	0,4778	0,0082	0,0564	9 491,285	123 299 771,4
	2011	0,3877	0,0081	0,0433	10 416,15	131 113 685,7
	2012	0,3104	0,0064	0,0387	11 663,78	127 662 492,9
	2013	0,3331	0,0067	0,0388	12 950,25	135 815 028,6
	2014	0,2932	0,0057	0,0399	16 603,96	146 844 457,1
	2015	0,4855	0,0101	0,0427	12 638,73	153 858 028,6
	2016	0,5676	0,0111	0,05	14 193,97	172 343 300
	2017	0,3363	0,0086	0,0271	18 224,08	136 447 842,9
	2018	0,4279	0,0115	0,0349	16 977,21	178 886 128,6
	2019	0,3946	0,0095	0,0378	18 738,82	189 050 550
	2020	0,3777	0,0093	0,0361	19 700,59	171 370 550
	2021	0,544	0,0139	0,0361	22 004,49	208 633 035,7
2022	0,5163	0,013	0,0366	24 983,86	237 675 800	
F-статистика		0,5554	0,8553	0,1701	13,1071	1,6046
P-value (двухстороннее)		0,882	0,6017	0,9995	3,828	0,9995

Источник: рассчитано авторами по данным Пермьстата.

Таблица 5. Модель ANOVA в пространстве (однофакторный дисперсионный анализ)

Показатель	ТРТ	LQ	Фокус кластера	Размер кластера	Средний размер оплаты труда	Фонд оплаты труда
Среднее арифметическое	Нижнекамье	0,558	0,0116	0,0357	15 198,79	124 153 728,6
	Предуралье	0,248	0,0053	0,0077	16 261,56	22 846 746,43
	Горнозаводское Прикамье	0,1719	0,0038	0,0124	17 676,1	52 720 628,57
	Среднекамье	0,4901	0,0111	0,143	17 909,51	608 162 310,7
	Парма	0,447	0,0101	0,0064	12 129,41	19 861 192,86
	Соль Камская	0,7951	0,017	0,0807	16 897,37	283 309 089,3
	Врехнекамье	0,2579	0,006	0,0021	10 543,73	3 177 103,571
F-статистика		11,4458	9,4208	203,6625	3,3816	157,4557
P-value (двухстороннее)		0,0000	0,0000	0,0000	0,0047	0,0000

Источник: рассчитано авторами по данным Пермьстата.

них факторов. Очевидно это было связано с проектом «Пермь Великая» и с изменением основы туристского позиционирования Пермского края.

Корреляционный анализ по времени (табл. 7) показал, что размер среднемесячной заработной платы в организациях кластера в меньшей степени определяется внутренними трендами развития и в большей степени подвержен действию внешних факторов.

Далее опишем наиболее значимые результаты корреляционного анализа по ТРТ в пространстве. Так, по показателю «Фокус кластера», ТРТ «Верхнекамье» демонстрирует высокую положительную связь с ТРТ «Предуралье» и ТРТ «Парма». Данные ТРТ

либо координируют элементы своего рыночного поведения, либо взаимно извлекают выгоды из рыночных позиций друг друга. Конкуренцию по результатам корреляции можно прогнозировать между ТРТ «Верхнекамье», ТРТ «Нижнекамье» и ТРТ «Соль Камская»; ТРТ «Нижнекамье» и ТРТ «Горнозаводское Прикамье», ТРТ «Среднекамье» а также ТРТ «Соль Камская» и ТРТ «Горнозаводское Прикамье».

По показателю LQ между ТРТ «Нижнекамье» и ТРТ «Среднекамье» выявлена заметная отрицательная связь. Это означает, что когда в одном из них растут процессы комплексообразования, то в другом – они снижаются. Напротив, высокая положительная

Таблица 6. Корреляционный анализ по времени, показатель «LQ»

	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
2009	1													
2010	0,99	1												
2011	0,964	0,991	1											
2012	0,974	0,97	0,947	1										
2013	0,97	0,942	0,901	0,923	1									
2014	0,958	0,94	0,902	0,98	0,951	1								
2015	0,526	0,457	0,392	0,342	0,639	0,389	1							
2016	0,363	0,308	0,264	0,151	0,477	0,188	0,967	1						
2017	0,773	0,772	0,753	0,648	0,85	0,686	0,785	0,721	1					
2018	0,388	0,367	0,352	0,177	0,466	0,179	0,91	0,965	0,762	1				
2019	0,707	0,706	0,676	0,598	0,695	0,553	0,753	0,675	0,812	0,754	1			
2020	0,534	0,503	0,44	0,409	0,624	0,448	0,837	0,761	0,832	0,76	0,886	1		
2021	0,101	0,096	0,065	0,051	0,093	0,071	0,107	0,119	0,164	0,052	0,041	0,172	1	
2022	0,126	0,126	0,092	0,13	0,087	0,139	-0,054	-0,082	0,057	-0,149	-0,026	0,069	0,97	1
Интерпретация цветовых маркеров														
	Весьма высокая корреляция по шкале Чеддока													
	Высокая корреляция по шкале Чеддока													
	Заметная корреляция по шкале Чеддока													
	Умеренная корреляция по шкале Чеддока													
	Слабая корреляция по шкале Чеддока													

Источник: рассчитано авторами по данным Пермьстата.

Таблица 7. Корреляционный анализ по времени. Показатель «Среднемесячная заработная плата в организациях кластера»

	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
2009	1													
2010	0,748	1												
2011	0,495	0,924	1											
2012	0,073	0,692	0,837	1										
2013	0,706	0,86	0,679	0,59	1									
2014	0,808	0,716	0,492	0,11	0,933	1								
2015	0,734	0,967	0,848	0,61	0,843	0,652	1							
2016	0,636	0,855	0,695	0,526	0,813	0,608	0,949	1						
2017	0,421	0,448	0,19	0,259	0,799	0,654	0,532	0,688	1					
2018	0,327	0,777	0,769	0,692	0,595	0,159	0,869	0,889	0,4	1				
2019	0,344	0,798	0,788	0,74	0,696	0,459	0,863	0,912	0,551	0,945	1			
2020	0,405	0,734	0,762	0,798	0,661	0,48	0,614	0,533	0,335	0,477	0,606	1		
2021	0,391	0,771	0,687	0,812	0,834	0,471	0,762	0,756	0,645	0,717	0,749	0,79	1	
2022	0,385	0,834	0,803	0,876	0,789	0,38	0,824	0,788	0,52	0,818	0,822	0,805	0,976	1
Интерпретация цветовых маркеров														
	Весьма высокая корреляция по шкале Чеддока													
	Высокая корреляция по шкале Чеддока													
	Заметная корреляция по шкале Чеддока													
	Умеренная корреляция по шкале Чеддока													
	Слабая корреляция по шкале Чеддока													

Источник: рассчитано авторами по данным Пермьстата.

связь наблюдается между ТРТ «Нижнекамье» и ТРТ «Соль Камская». Очевидно они усиливают возможности друг друга привлекать лучших специалистов в отрасли.

Исходя из этой логики, можно также утверждать, что ТРТ «Верхнекамье» конкурирует за специалистов с ТРТ «Соль Камская» и кооперируется с ТРТ «Горнозаводское Прикамье» и ТРТ «Парма». ТРТ «Горнозаводское Прикамье», в свою очередь, конкурирует за специалистов с ТРТ «Соль Камская» и кооперируется с ТРТ «Парма».

По показателю «Размер кластера» заметная положительная связь наблюдается между ТРТ «Нижнекамье», ТРТ «Среднекамье», ТРТ «Предуралье», ТРТ «Соль Камская»; между ТРТ «Предуралье» и ТРТ «Соль Камская»; между ТРТ «Горнозаводское Прикамье» и ТРТ «Парма». Высокая положительная связь зафиксирована между ТРТ «Соль Камская» и ТРТ «Нижнекамье»; ТРТ «Предуралье» и ТРТ «Среднекамье»; ТРТ «Верхнекамье» и ТРТ «Горнозаводское Прикамье»; ТРТ «Парма» и ТРТ «Верхнекамье». Указанные связи означают, что размеры интеграционных объединений в этих ТРТ растут однонаправленно.

Таким образом, проведённый анализ показал, что наиболее ярко различия между ТРТ проявляются через показатели «Фокус кластера», «Размер кластера» и «Коэффициент локализации» (LQ).

С целью идентификации некоторых общих свойств и дальнейшей разработки рекомендаций по каждому из этих факторов было рассчитано среднее значение и проведена группировка с использованием метода *k-means* в среде Google Colaboratory (рис. 6).

Как следует из рисунка 6, все ТРТ Пермского края могут быть разделены на 4 группы.

Группа 1: ТРТ «Горнозаводское Прикамье», «Предуралье», «Верхнекамье». Минимальный порог значения LQ в этих ТРТ ранее никогда не достигался, кластеры отсутствуют. Динамика показателей «Размер кластера» и «Фокус кластера», характеризуется волнообразным трендом развития. В ТРТ «Горнозаводское Прикамье» и «Предуралье» происходит сжатие протокластерных объединений, а в ТРТ «Верхнекамье» они растут. Учитывая, что этот рост совпадает со слабо выраженным ростом показателя LQ, речь может идти о зарождении полноценного туристского кластера.

Основными конкурентами за человеческие ресурсы и за влияние на рынки для ТРТ данной группы выступают ТРТ «Нижнекамье» и ТРТ «Соль Камская».

Данную группу следует рассматривать как некую «срединную линию» между кластерным форматом развития туризма и другими сценариями, где комплексобразование не играет значимой роли. В связи с этим, имеет смысл применять меры по поддержке туризма общего характера, связанные с инвестиционной поддержкой развития туристской инфраструктуры, благоустройства территорий, создания новых маршрутов, проведения культурных мероприятий и т. д., специфицированные по муниципалитетам. Мониторинг, проведенный через 3–5 лет может стать основой решения об использовании кластерного или иного формата развития туристского сектора.

Группа 2: ТРТ «Парма» и ТРТ «Нижнекамье» - объединяет ТРТ, которые лишь точно достигали минимального порогового значения LQ. В настоящий момент туристских кластеров на их территории нет, а протокластерные формирования находятся в стадии распада.

Для данных ТРТ кластерная модель не будет эффективна. Меры поддержки туризма в данных территориях должны быть направлены на конкретные муниципалитеты. Имеет смысл рассмотреть модель туристских агломераций с ярко выраженным центром, стягивающим на себя основные туристские потоки, ресурсы и инвестиции.

Группа 3 состоит только из одного ТРТ – «Соль Камская», где в период с 2009 по 2017 гг. сформировался полноценный туристский кластер. Сейчас процессы комплексобразования снижаются, интеграционные объединения сжимаются, однако их способность влиять на региональные рынки остаётся устойчивой. При этом основными конкурентами ТРТ «Соль Камская» за влияние на рынки являются ТРТ «Верхнекамье» и ТРТ «Горнозаводское Прикамье».

Для того, чтобы стимулировать рост процессов комплексобразования, избежать распада и последующей кристаллизации, данному кластеру необходимо некоторое обновление. Поэтому будут эффективны классические меры региональной поддержки: целевые гранты на создание новых маршрутов и аттракций в рамках общей концепции

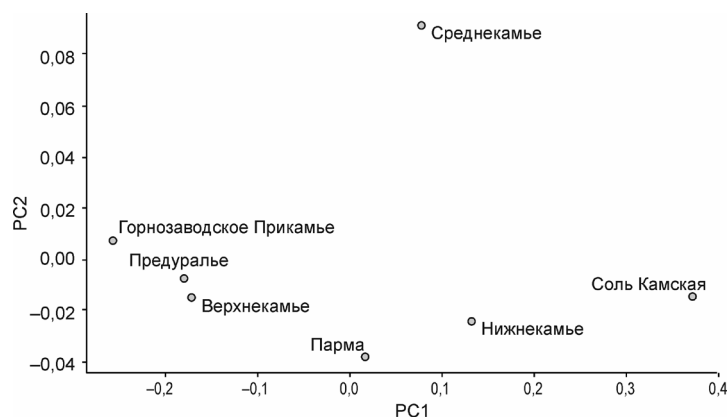

Рис. 6. Результаты группировки туристско-рекреационных территорий.
Источник: рассчитано авторами.

«солонки России», маркетинговая поддержка ТРТ как туристской дестинации, развитие транспортной и логистической инфраструктуры и т.д.

Группа 4 также включает в себя одну ТРТ – «Среднекамье», где с 2021–2022 гг. произошёл стремительный взлёт показателей LQ, «Фокус кластера», «Средняя оплата труда» и «Фонд оплаты труда». Таким образом, по состоянию на 2021–2022 гг. в данном ТРТ функционирует туристский кластер, находящийся на ранних стадиях своего развития. Однако не ясно, будет ли он развиваться или его ждёт «смерть во младенчестве», поскольку после исчерпания старой концептуальной основы (юбилей г. Пермь), новой пока не сформировано

Основным конкурентом за влияние на региональные рынки и за человеческие ресурсы является ТРТ «Нижнекамье».

Для ТРТ «Среднекамье» имеет смысл рассмотреть следующие меры кластерной политики.

Во-первых, проведение конференции, направленной на поиск тематического основания нового кластера.

Во-вторых, всесторонняя маркетинговая поддержка новой концепции со стороны региональных властей через целевые инвестиции с конкурсными условиями, поддерживаемыми только те проекты, которые созданы в новой концептуальной рамке и объединяющие несколько муниципалитетов, входящих в ТРТ.

В-третьих, всесторонняя консалтинговая поддержка организаций – членов кластера.

Выводы. Как показало исследование, в период 2009–2022 гг. признаки полноценных туристских кластеров на территории Пермского края были отмечены только в рамках двух ТРТ. На остальных территориях процессы комплексобразования были незначительны.

Применение исследовательской стратегии EDA в сочетании с методом анализа контента и контент-анализа, позволили установить, что эффекты от мер региональной кластерной политики в сфере туризма на показатели туристских кластеров и протокластеров, локализованных в границах ТРТ, имели точечный характер и прослеживались в течение не более 1–2 лет. Кроме того, механизм возникновения всех этих эффектов прямо или косвенно был сопряжён с вливанием значительных средств из федерального и региональных бюджетов, а также из других источников.

Было установлено, что развитие процессов комплексобразования и кластерной активности в рамках ТРТ в основном направляется внутренними процессами, связанными с действиями местного бизнеса и муниципальных, но не региональных властей. Исходя из этого, региональная кластерная политика в Пермском крае должна строиться не «сверху вниз», как это происходило в 2009–2022 гг., а «снизу вверх».

На основе данных о развитии комплексобразования и кластерной активности была проведена систематизация ТРТ с выделением 4 групп и разработкой для каждой из этих групп рекомендаций. Представленные рекомендации могут быть использованы в деятельности министерства Пермского края по туризму, представителей местных органов власти, занимающихся вопросами развития комплексобразования в туристском секторе и туризма в рамках своих территорий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баталина Ю. Центрами культуры Пермского края–2015 стали Юрлинский, Кишертский и Чусовской районы [Электр. ресурс] // Новый Компаньон: URL: <https://www.newsko.ru/news/nk-2097328.html?ysclid=Irc4s4wzn305451528> (дата обращения: 13.01.2024).
2. Васильева М.В., Дудецкий Д.Ю. Проблемы и приоритетные направления развития туристской дестинации в Пермском крае // Вопросы современной экономики. 2014. № 1. С. 119–135.
3. Государственная программа «Развитие туризма в Пермском крае на 2013–2017 гг.» [Электр. ресурс] URL: <http://permaivotravel.ucoz.ru/files/2013/Turism-2013.pdf> (дата обращения: 13.01.2024).
4. Зырянов А.И., Мышлянцева С.Э. Туристские кластеры Пермского края // Туризм в глубине России. Сб. тр. междунар. научн. семинара (19–25 июля 2010 г.). Пермь, 2010. С. 3–10.
5. Коцеев Д.А., Исопескуль О.Ю. Функционирование туристских протокластеров Пермского края в условиях пандемии и санкционного давления // Географический вестник. 2022. Т. 63. № 4. С. 115–134.
6. Коцеев Д.А., Исопескуль О.Ю. Проектирование туристских кластеров: системно-агломерационный подход. М.: ИНФРА-М, 2020. 326 с.
7. Коцеев Д.А., Миролубова Т.В. Оценка взаимовлияния региона и индустриального кластера: системно-пространственный подход // Вестн. Перм. ун-та. Сер.: Экономика 2022. Т. 17. № 2. С. 161–184.
8. Лысенко О.В. Последствия Пермского культурного проекта (по материалам социологических исследований) [Электр. ресурс] // Журнальный зал: URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2016/1/posledstviya-permskogo-kulturnogo-proekta.html?ysclid=Irc51qykfi796711417> (дата обращения: 13.01.2024).
9. Микрюкова Н.С., Марамыгин А.В. Туристская сезонность кластеров Пермского края // Научная перспектива. 2015. № 12. С. 42–44.
10. Миролубова Т.В., Зырянов А.И., Мышлянцева С.Э. и др. Особенности и перспективы развития внутреннего и въездного туризма в региональной экономике Пермского края. Пермь: Пермский гос. нац. исслед. ун-т, 2023. 216 с.
11. Миролубова Т.В., Кралина Т.В., Ковалёва Т.Ю. Закономерности и факторы формирования и развития региональных кластеров. Пермь: Пермский гос. нац. исслед. ун-т, 2013. 280 с.
12. Оборин М.С. Особенности кластеризации на региональном уровне (на примере Пермского края) // Конкурентоспособность компаний и территорий: кластерные технологии: сб. сб. науч. ст. / под ред. Т.В. Миролубовой. Пермь, 2014. С. 252–260.
13. Огнева С.В., Кузьмина Н.В. Проблемы и перспективы развития туризма в промышленном регионе (на примере Пермского края) // Сервис в России и за рубежом. 2015. № 3. С. 51–62.
14. Стратегия развития туризма в Пермском крае на период до 2035 года [Электр. ресурс]. URL: <http://mtm.permkrai.ru/dokumenty/285572/> (дата обращения: 13.01.2024).
15. Ткачев Б.П., Есипова С.А. Обзор подходов к туристскому районированию Пермского края // Научное обозрение. Экономические науки. 2020. № 1. С. 37–41.
16. Шарыгин М.Д., Ковылов В.К. Регионоведение: учеб. пособие. Воронеж: Лексикон, 2004. 200 с.
17. Monfort M. Competitividad y factores críticos de éxito en la «hotelería de litoral»: experiencia de los destinoturísticos Benidorm y Peñíscola (Doctoral Dissertation, Universidad de València, España, 2000) // Biblioteca virtual Miguel de Cervantes. 2000. [Электр. ресурс]. URL: <http://www.cervantesvirtual.com/obra/competitividad-yfactores-criticos-de-exito-en-los-destinos-turisticos-mediterraneos-benidorm-y-peniscola-0/> (дата обращения: 13.01.2024).
18. Peiró-Signes A. et al The effect of tourism clusters on US hotel performance // Cornell Hospitality Quarterly. 2014. № 11. P. 1–13. DOI: 10.1177/1938965514557354.
19. Porter M. Location, competition, and economic development: local clusters in a global economy // Economic Development Quarterly. 2000. № 14. P. 15–34.

Статья поступила в редакцию журнала 17 января 2024 г.

Об авторах:

Коцеев Дмитрий Александрович – старший преподаватель департамента менеджмента Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Пермь

Исопескуль Ольга Юрьевна – кандидат экономических наук, доцент, декан факультета социально-экономических и компьютерных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Пермь

Для цитирования:

Кошчев Д.А., Исопескуль О.Ю. Развитие туристских кластеров в Пермском крае в 2010–2022 гг.: оценки, результаты, перспективы // Региональные исследования. 2024. № 1. С. 115–130.

DOI: 10.5922/1994-5280-2024-1-8

**Perm region tourism clusters evolvement in 2010–2022:
assessments, results and prospects**

D.A. Koshcheev*, O.Yu. Isopeskul**

HSE University, Perm, Russia

*e-mail: DAKoshcheev@hse.ru

**e-mail: oisopeskul@hse.ru

The present investigation proposes one of the first analyses of complex formation and cluster activity within Perm region tourism sector in 2010–2022. The parameters mentioned, were taken in conjunction with the system of regional cluster policy measures of the same term. The present investigation was based on EDA of Perm region tourism recreation territories (TRT) statistics. The TRT within Perm region legislation is considered as the territories when tourism clusters can be created. The analyses mentioned were supplied with content analysis of news media publications, official document on regional cluster policy and the results of author's opinion polls of 2015–2022. The investigation showed that regional cluster policy did not have any sustainable effect on complex formation and cluster activity in TRT. Moreover, real tourism clusters in 2010–2022 were identified only in two from seven TRT. Other TRT had protoclusters only. Drawing from complex formation and cluster activity indicators, using k-means method, we divided existing TRT into four groups. For each TRT group we proposed tourism development recommendations and (where it is necessary) tourism cluster / protocluster development recommendations.

Keywords: tourism, tourism cluster, complex formation, cluster activity, cluster policy, cluster initiatives, Perm region, tourism recreation territories.

Received 17.01.2024